

ВЛАСТЬ ИМПЕРАТОРА В РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—НАЧАЛА XX вв.: ОБОСНОВАНИЕ И ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена разрешению вопроса о том, как юридическая интеллектуальная элита рассматриваемого периода понимала императорскую власть, ее происхождение, возможности и полномочия. Актуальность поставленной проблемы обусловлена тем, что в условиях стремительно модернизирующейся Российской империи юридическая профессура формировала внешне непротиворечивый дискурс между теоретическими аспектами государственного права и содержанием Основных государственных законов Российской империи: преподавателям надо было обосновывать и объяснять существование неограниченной власти монарха. Для этого были проанализированы курсы государственного права, разработанные профессорами Императорских университетов и Училища правоведения. Российское самодержавие правоведы описывали в профессиональном понятийно-категориальном аппарате, заимствованном у европейских коллег. Наличие у главы государства абсолютной власти объяснялось интеллектуалами особым путем развития страны, начиная от экстремальных природных условий и заканчивая необходимостью освобождения от иноземного владычества. Юристы доказывали, что абсолютная власть российского монарха не является восточной деспотией, поскольку император должен руководствоваться в своей деятельности изданными законами. Также исследователи отмечали, что сформировавшиеся сложные процедуры законодательной деятельности оставляют крайне узкое поле для самостоятельных решений монарха.

Ключевые слова: интеллектуальная история, государственное право, власть императора, юридическая интеллектуальная элита, учебная и научная литература.

Введение. Во второй половине XIX—начале XX вв. вопрос относительно сохранения абсолютной власти монарха и необходимости конституционной реформы был одним из актуальных в Российской империи, но обсуждался при этом предельно замаскированно [1]. Юристы, ставшие в рассма-

триваемый период значимой социально-профессиональной группой, не могли остаться в стороне от этой дискуссии. Образование, выстроенное в рамках европейского научного категориально-понятийного аппарата, ориентировало получивших его лиц на служение закону и праву в логике до-

говорной теории. Это не исключало наличия принципиально иных политических и личных предпочтений, что подтверждается множеством примеров (наиболее яркими из которых можно назвать К. П. Победоносцева и В. И. Ульянова), однако создавало основание для заданного профессией мировоззрения. Юридической профессуре, участвовавшей в преподавании государственного права, необходимо было добиться отсутствия противоречий между его теоретическими аспектами и содержанием Основных государственных законов Российской империи, особенно в части сохранения самодержавия и полномочий монарха.

В большинстве как собственно исторических, там и историко-юридических исследований учебники государственного права чаще привлекались не как исторический источник, а в рамках историографического описания поставленной автором проблемы [2]. Е. В. Староверова обратила внимание на содержание университетских курсов государственного права. Юрист указала на то, что «авторы этих учебников, как правило, ограничивались анализом норм, содержащихся в действовавших на тот момент Основных государственных законах Свода законов Российской империи, и почти не освещали историю вопроса» [3]. Однако в этом утверждении не был учтен аспект, который осветила И. М. Чирскова: серьезные цензурные ограничения, связанные с изучением имперской истории с окончания правления Петра I [4]. Интерес современных исследователей к реальному функционированию высшего государственного аппарата империи внес серьезные коррективы в представления о сущности монархии в России. А. В. Ремнев отметил, что «рационализирующаяся бюрократия превращала "помазанника Божьего" в высшее должностное лицо» [5, с. 101]. При этом противоречия между формально предписанной позицией и положением вещей на практике становилось основой для постепенных изменений в сознании высшего чиновничества: «Монархические убеждения и даже восторженное отношение к императору в его ближайшем окружении сосуществовали с критическим отношением к персональным качествам монарха. Ведомственная профессионализация министров неизбежно вела к тому, что они отказывали монарху быть компетентным в специальных вопросах, подчеркивая необходимость автономности государственной бюрократии» [5, с. 101]. К. А. Соловьев, подводя итог эволюции мировоззрения интеллектуалов и высших чиновников последней трети XIX – начала XX вв., пишет: «Мифологический образ самодержавной власти жил своей жизнью, явно расходясь с политической и административной реальностью» [6, с. 36]. Также К. А. Соловьев обратил внимание на поставленную юридической профессурой и высшими бюрократами проблему соотношения императорского указа и закона, роли в процессе законотворчества Государственного совета. По мнению автора, «правоведы в иносказательной форме ставили вопрос о юридических пределах самодержавной власти. Если действительно закон в обязательном порядке должен был быть обсужден в Государственном совете, значит, император и его министры при всем желании не могли обойти это высшее законодательное учреждение и должны были считаться с позицией его членов» [6, с. 47]. Автор указал на то, что в сознании части бюрократов единое имперское законодательство противоречило идее самодержавной власти.

Консервативный взгляд современников на императорскую власть представил Д. М. Софьин, продемонстрировав, каким образом в мировоззрении профессионального юриста могут сосуществовать научные исследования и практически религиозное поклонение фигуре монарха: «Как полагал член-учредитель Русского собрания правовед А. Н. Штиглиц, благодаря таинству миропомазания, "государь наш видит, слышит, чувствует, понимает то, что недоступно сознанию людей"» [7, с. 45]. Профессионально занимаясь вопросами военной контрабанды и международного права, А. Н. Штиглиц при этом смотрел на императора с иррациональных позиций [8].

Хронологические рамки ограничиваются 1855 – 1904 гг. Восшествие на престол Александра II, формально не изменив статус императора, открыло эпоху нового типа отношений государства и общества, дав, в том числе, возможности для научного осмысления верховной власти. Изменения государственного строя Российской империи после Первой русской революции привело к иному осмыслению на профессиональном юридическом уровне императорской власти. Поэтому данный аспект в период 1905 – 1917 гг. является предметом для отдельного изучения. Источниками явились изданные и переизданные в период с 1855 по 1904 г. учебники по русскому государственному праву А. С. Алексеева, И. С. Андреевского, А. Д. Градовского, В. В. Ивановского, Н. М. Коркунова, Н. О. Куплеваского, Ф. Ф. Мартенса, А. В. Романовича-Славятинского. Эти тексты были созданы авторами в период профессиональной зрелости, в них получили частичное освещение не только профессиональные, но и личные взгляды.

Методологическим основанием данного исследования является история интеллектуальной культуры как анализ юридических идей и дискурсов в контексте второй половины XIX – начала XX вв. Основным методом стал дискурсивный анализ в понимании Т. ван Дейка, когда дискурс рассматривается как заверченный письменный вербальный продукт коммуникативного действия, а также его результат, который интерпретируется реципиентами. Кроме анализа текста, анализ дискурса предполагает описание социальных условий, определяющих порождение и восприятие текста. В этой связи имел значение метод интеллектуальной биографии как сочетания биографического, текстуального и социокультурного анализа, позволяющий понять мотивы обращения автора к представленной им проблематике и особенности ее репрезентации.

Цель исследования. Целью настоящей работы является анализ академического дискурса, связанного с верховной властью монарха в России второй половины XIX – начала XX вв.

Основная часть. Власть императора характеризовалась авторами учебников в специально отведенном для данного вопроса разделе, который чаще всего назывался «О верховной власти». Ее концентрация в руках одного лица связывалась с особенностями исторического развития страны. А. С. Алексеев в связи с этим писал: «Власть русского царя — власть самодержавная, то есть власть самородная, не полученная извне, не дарованная другой властью. Основанием этой власти служит не какой-нибудь юридический акт, а историческое прошлое русского народа» [9, с. 174]. Убежденный монархист А. В. Романович-Славятинский заострил внимание на том, что государственный строй за-

падноевропейских государств сформировался в результате борьбы, а русское государство развивалось синхронно с народом: «Оно собирало в единое целое раздробленную русскую землю, соединяло разбросанные ею племена в цельную и единую русскую нацию с особенными, свойственными ей индивидуальными чертами, с особенным политическим и юридическим мирозерцанием» [10, с. 38]. Однако профессор Казанского университета В. В. Ивановский считал нужным сформулировать один из принципиальных вопросов, на который отвечает государственное право: «Наука должна только объяснить, какими причинами обуславливается принадлежность верховной власти одному физическому лицу, а не приводить соображения в оправдание этой формы государственного устройства» [11, с. 18]. Юрист в качестве синонимичных использовать понятия «Абсолютное государство», «абсолютная монархия», «неограниченная монархия». При этом главным элементом объяснения формы правления в России становилась ее историческая обусловленность.

При этом юристы считали необходимым подчеркнуть, что самодержавная власть российского императора в корне отличается от «восточной деспотии». Ключевым элементом этого отличия являлся, по мнению исследователей, закон. А. Д. Градовский писал: «Русское право признает лишь некоторые начала обязательными для императорской власти; таковы постановления о вере и преемстве престола. Выражение "самодержавный" означает, что русский император не разделяет своих верховных прав ни с каким установлением или сословием в государстве, то есть акт его воли получает обязательную силу независимо от согласия другого установления» [12, с. 1]. Современный исследователь Т. Е. Плященко отметила, что А. Д. Градовский, будучи либералом-конституционалистом, в пореформенный период считал несвоевременной борьбу за прямое ограничение самодержавия, а само оно было для юриста вполне совместимо с идеей законности [13]. Для И. Е. Андреевского также самодержавие являлось порождением особых условий жизни и вело свое происхождение от Рюрика [14, с. 129]. Однако их ученики были более внимательны к деталям. А. С. Алексеев, профессор государственного права Московского университета, представил в 1892 г. обстоятельное объяснение того, что власть российского императора имеет рациональную основу: «Неограниченность верховной власти не означает, однако, произвола этой власти. И современное государство европейской культуры отличается от восточной деспотии именно тем, что носитель верховной власти не считает себя *legibus solitum*, а признает законы нормами и пределами своей деятельности. И закономерность такая же существенная черта нашего государственного быта, как самодержавие. Оно также провозглашено на первой странице наших законоположений и стоит рядом со статьями, определяющими существо верховной власти как неограниченной. В 47-й статье мы читаем "Российская империя управляется на основании положительных законов, уставов и учреждений, от верховной власти исходящих". И если бы русская верховная власть не действовала бы на твердом основании законов и не считала бы изданные ею нормы для себя обязательными, то мы не собрались бы здесь с вами для изучения государственного права. Этого права не существовало бы вовсе, весь наш политический быт сводился бы к фактическому

состоянию, который не подлежит юридической конструкции, а следовательно, и юридическому анализу. Верховная власть в русском государстве, сосредоточившаяся в одном лице — в лице государя — власть неограниченная, но она действует не иначе как в пределах и на основании законов, этой властью изданных. Верховная власть не ограничена не в том плане, что для нее закон не писан, а в том, что никто ей этого закона не предписывает, что она руководствуется только законами, ею самой изданными» [9, с. 174–175]. Профессиональные взгляды Алексеева базировались на концепции Ж.-Ж. Руссо. Именно поэтому для него было мировоззренчески неприемлемо связывать верховную власть монарха с иррациональными началами. Государство для него — «союз равных, а следовательно, и свободных людей, признающих над собой не личную власть, а только власть общественную» [15, с. 6]. Поэтому юристу требовалось подробно объяснять, что верховная самодержавная власть не может отменить все законы, поскольку именно они проводят грань между легитимным правлением и произволом. В. В. Ивановский видел эту грань в другом: «Составитель наших законов Сперанский хорошо понимал это существенное различие абсолютного государства от деспотического. Власть самодержавного и неограниченного государя только в том только случае является деспотической, когда он действует произвольно, в угоду личным прихотям и интересам, игнорируя при этом интересы и благо народа» [11, с. 65]. Н. О. Куплевский, также обращаясь к идее законности как системообразующей в государственном праве Российской империи и подчеркивающей в силу этого ее отличие «от форм извращенных, деспотических», отмечал, что «идея законности в управлении весьма проста, но осуществляется она очень медленно; государственная жизнь вырабатывает средства для ее осуществления медленным путем» [16, с. 55–56]. Вероятнее всего, юрист, как раз, имел в виду недостаток в этом отношении абсолютной монархии, но не мог сказать прямо.

Н. М. Коркунов — яркий представитель социологической школы права — традиционно объясняя русское самодержавие историческими особенностями, озадачился поиском ответа на вопрос, когда и почему оно появилось. Ссылаясь на мнение коллег, зарождение самодержавия он отнес самое позднее к XVI в. В части трактовки понятия «самодержавие» для юриста оказалась наиболее авторитетной позиция М. М. Сперанского: «Когда оно прилагается к особе государя, то оно означает соединение всех стихий державного права во всей полноте без всякого участия и разделения» [17, с. 153–154]. Автор отметил, что и в российском законодательстве, и в трудах коллег содержание понятий «самодержавие» и «неограниченность», по сути, совпадает. Обращаясь к законодательству второй половины XVII–XVIII вв., Коркунов выявил те положения, которые фиксировали те или иные признаки самодержавной власти российского монарха.

Юрист заметил, что самодержавие в значении суверенитета использовал Иван III, что находило свои отголоски и в конце XVIII в. Понимание самодержавия как полноты власти монарха связано, на взгляд Коркунова, с Иваном IV. Законодательными источниками самодержавной власти он называл Духовный регламент, Военский артикул 1716 г., Морской устав 1720 г., Манифест Анны Иоаннов-

ны 1730 г. и Учреждение императорской фамилии 1797 г. Наиболее показательным с этой точки зрения Н. М. Коркунов называл Манифест Анны Иоанновны: «Понеже верные наши подданные все единогласно нас просили, дабы мы самодержавство в нашей Российской империи, как издревле прародители наши имели, восприяты соизволили» [17, с. 153–153]. Для юриста форма правления в России — правомерная самодержавная монархия, когда верховной власти противопоставляется не право граждан, а норма — закон, в результате чего «власть подчиняется праву, не будучи сама, однако, ограничена каким-нибудь правом» [17, с. 158]. Рассуждая о гарантиях законности и полномочиях императора, Н. М. Коркунов пришел к выводу о том, что осуществление им законодательных функций в реалиях рубежа XIX–XX вв. возможно только с привлечением команды профессионалов: «Выработка законов, то есть общих правил — функция, мало подходящая к единоличной власти. Составление законопроектов требует таких обширных и разносторонних сведений, часто совершенно специального технического характера, что совмещение их в одном лице дело совершенно невозможное» [17, с. 161]. Представляя описанную им схему как реально действующую, юрист отметил, что в сфере законодательной деятельности полномочия неограниченного монарха наиболее ярко проявляются в нетипичных ситуациях, когда требуются «энергия и быстрота и, что особенно важно, безраздельная нравственная ответственность за каждое принятое решение» [17, с. 161]. Отделение судебной власти от административной в результате реформы 20 ноября 1864 г. способствовало усилению законности, в результате чего судебные решения перестали иметь форму закона. Именно поэтому в рамках официального университетского курса русское самодержавие рассматривалось Н. М. Коркуновым как форма правления, которая не хуже, чем ограниченные монархии Европы.

Для известного юриста-международника Ф. Ф. Мартенса преподавание русского государственного права в Училище правоведения не было основным направлением деятельности. Поэтому в неоднократно изданном курсе лекций он, хотя и обращал внимание на деятельность Государственного совета, Комитета министров, Сената, все равно вел речь о том, что данные структуры являются вспомогательными, а верховная законодательная, исполнительная и судебная власть без ограничений принадлежит императору [18, с. 123–124]. Представляется, что, помимо исключительно педагогического интереса к данной отрасли права, столь прямой трактовке императорской власти есть еще одно объяснение. Училище правоведения было, прежде всего, нацелено на подготовку государственных служащих, которым следовало прививать верноподданные настроения и не подвергать сомнению существующие в Российской империи порядки.

Заключение. Таким образом, во второй половине XIX–начале XX вв. ученые-юристы искали баланс между собственными личными и научными представлениями и существовавшей в Российской империи формой правления. Несмотря на имеющиеся отличия в политическом мировоззрении, они одинаково видели причину русского самодержавия в историческом развитии: обширной территории, низкой плотности населения, практически отсутствию борьбы между властью и обществом. Для

государствоведов, тесно связанных профессиональными и личными контактами с западной юриспруденцией, разделявших ее ценности, важно было подчеркнуть принадлежность Российской империи европейскому миру, где сохранялся скептический взгляд на российскую монархию, а парламентаризм рассматривался как одно из высших достижений для либерально ориентированных правоведов. Таким выходом стала идея законности. Не оспаривая содержания «Основных государственных законов» и руководствуясь, надо полагать, цензурными соображениями, ведущие профессора пытались донести до студенческой университетской аудитории мысль о том, что сформировавшийся в империи бюрократический аппарат является естественным ограничителем императорской власти; законодательная база — преграда на пути к деспотии, а судебная власть по факту является независимой. Такого рода теоретические построения стали своеобразным компромиссом между сохранением абсолютной монархической власти и мировоззрением тех правоведов, которые разделяли либеральные ценности. Одновременно с этим стремление юристов участвовать в законотворчестве и реализовывать свои профессиональные представления стало одной из причин их деятельности в Государственной думе.

Библиографический список

1. Гусман Л. Ю. Публицистика русских конституционалистов второй половины XIX века как исторический источник // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1-1 (45). С. 35–39.
2. Шайрян Г. П. Неограниченное самодержавие Всероссийского императора (начало XX в.) // Аграрное и земельное право. 2013. № 3 (99). С. 75–89.
3. Староверова Е. В. Отречение цесаревича Константина Павловича от права наследования престола // История государства и права. 2009. № 5. С. 14–17.
4. Чирскова И. М. Цензура и историческое знание в России второй половины XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: моногр. / под ред. А. Н. Дмитриева. Москва: ВШЭ, 2012. С. 308–326. ISBN 978-5-7598-0914-2.
5. Ремнев А. В. Самодержавное правительство XIX–начала XX столетия: править и управлять // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, № 3-2. С. 97–108.
6. Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. Москва: РОССПЭН, 2018. 350 с. ISBN 978-5-8243-2256-9.
7. Софьин Д. М. Консервативно-монархический дискурс: представления российских консерваторов конца XIX–начала XX веков об императорской власти // *Ars administrandi*. Искусство управления. 2011. № 1. С. 43–56.
8. Штиглиц А. Н. Исследование о военной контрабанде. Санкт-Петербург, 1880. 215 с.
9. Алексеев А. С. Русское государственное право. Москва, 1892. 473 с.
10. Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Санкт-Петербург, 1886. Ч. 1. 299 с.
11. Ивановский В. В. Русское государственное право. Казань, 1896. 533 с.
12. Градовский А. Д. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 7. Начала русского государственного права. Ч. 1. О государственном устройстве. Санкт-Петербург, 1901. 433 с.
13. Плященко Т. Е. А. Д. Градовский как ученый и общественный деятель // Российские университеты в XVIII–

XX вв. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. Вып. 6. С. 93–110. ISBN 5-7455-1236-9.

14. Андреевский И. Е. Русское государственное право. Санкт-Петербург, 1866. Т. 1. 496 с.

15. Алексеев А. С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. Москва, 1895. 35 с.

16. Куплеваский Н. О. Русское государственное право. 2-е изд. Харьков, 1902. Т. 1. 354 с.

17. Коркунов Н. М. Русское государственное право. В 2 т. Санкт-Петербург, 1893. Т. 1. 415 с.

18. Мартенс Ф. Ф. Лекции по государственному праву Ф. Ф. Мартенса, ординарного профессора Императорского училища правоведения. Санкт-Петербург, 1892. 280 с.

АДОНЬЕВА Инесса Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета.

SPIN-код: 5645-9488,

AuthorID (РИНЦ): 617120

ORCID: 0000-0003-1485-9919

Адрес для переписки: adoinessa@yandex.ru

ДРУЖИНИНА Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета.

SPIN-код: 3439-1680

AuthorID (РИНЦ): 705604

ORCID: 0000-0003-2131-4466

ResearcherID: ABA-4125-2020

Адрес для переписки: druzok5111@yandex.ru

Для цитирования

Адоньева И. Г., Дружинина Ю. В. Власть императора в российском правовом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв.: обоснование и варианты интерпретации // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-9-15.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020 г.

© И. Г. Адоньева, Ю. В. Дружинина

¹Novosibirsk State
Technical University,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State
Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia

POWER OF EMPEROR IN RUSSIAN LEGAL DISCOURSE OF SECOND HALF OF 19th—EARLY 20th CENTURIES: JUSTIFICATION AND OPTIONS FOR INTERPRETATION

The article is devoted to resolving the issue of how the legal intellectual elite of the period under review understood the imperial power, its origin, capabilities and authorities. The legal professorship formed an outwardly consistent discourse between the theoretical aspects of state law and the content of the Basic State Laws of the Russian Empire: teachers had to justify and explain the existence of the unlimited power of the monarch. They analyzed the courses of state law developed by nine professors of the Imperial Universities and the School of Law.

The methodological basis of this study is the history of intellectual culture as an analysis of legal ideas and discourses in the context of the second half of the 19th - early 20th centuries. The power of the emperor is characterized by the authors of textbooks in a section that is most often called «On the Supreme Power». Russian autocracy was described by jurists in a conceptual and categorical apparatus borrowed from their European colleagues. Legal scholars were looking for a balance between their own personal and scientific ideas and the form of government that existed in the Russian Empire. Despite the differences in the political outlook, they saw the reason for the Russian autocracy in the historical development: a vast territory, low population density, and the virtual absence of a struggle between the government and society.

For state scholars closely associated with Western jurisprudence, who shared its values, it was important to emphasize the belonging of the Russian Empire to the European world, where a skeptical view of the Russian monarchy remained. This way out was the idea of legality. Without disputing the content of the «Fundamental State Laws» and guided by censorship considerations, the professors tried to convey to the student university audience the idea that the bureaucratic apparatus formed in the empire is a natural limiter of the imperial power; the legal framework is an obstacle to despotism, and the judiciary is in fact independent.

This kind of theoretical constructs became a compromise between the preservation of absolute monarchical power and the worldview of those jurists who shared liberal values.

Keywords: intellectual history, the state law, the Imperial power, low intellectual elite, educational and scientific literature.

References

1. Gusman L. Yu. Publitsistika russkikh konstitutsionalistov vtoroy poloviny XIX veka kak istoricheskiy istochnik [Publicism of Russian constitutionalists of the second half of the 19th century as a historical source] // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. *Cherepovets State University Bulletin*. 2013. No. 1-1 (45). P. 35–39. (In Russ.).
2. Shajryan G. P. Neogranichennoye samoderzhaviye Vserossiyskogo imperatora (nachalo XX v.) [Unlimited autocracy of the all-Russian emperor (early 20th century)] // Agrarnoye

i zemel'noye pravo. *Agrarian and Land Law*. 2013. No. 3 (99). P. 75–89. (In Russ.).

3. Staroverova E. V. Otrecheniye tsesarevicha Konstantina Pavlovicha ot prava nasledovaniya prestola [Abdication of Tsarevich Konstantin Pavlovich from the right to inherit the throne] // Istoriya gosudarstva i prava. *History of State and Law*. 2009. No. 5. P. 14–17. (In Russ.).
4. Chirskova I. M. Tsenzura i istoricheskoye znaniye v Rossii vtoroy poloviny XIX veka [Censorship and historical knowledge in Russia in the second half of the 19th century] // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii: formirovaniye predstavleniy o

- proshlom [Historical culture of imperial Russia: the formation of ideas about the past] / Ed. A. N. Dmitriyev. Moscow, 2012. P. 308–326. ISBN 978-5-7598-0914-2. (In Russ.).
5. Remnev A. V. Samoderzhavnoye pravitel'stvo XIX – nachala XX stoletiya: pravit' i upravlyat' [Autocratic government of the XIX – early XX century: govern and rule] // Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2010. Vol. 152, no. 3-2. P. 97–108. (In Russ.).
6. Solovyev K. A. Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii v 1881 – 1905 gg.: problema zakonotvorchestva [The political system of the Russian Empire in 1881 – 1905: the problem of lawmaking]. Moscow, 2018. 350 p. ISBN 978-5-8243-2256-9. (In Russ.).
7. Sofin D. M. Konservativno-monarkhicheskiy diskurs: predstavleniya rossiyskikh konservatorov kontsa XIX – nachala XX vekov ob imperatorskoy vlasti [Conservative-monarchical discourse: representations of the Russian conservatives of the late XIX – early XX centuries about the imperial power] // *Ars administrandi. Iskustvo upravleniya. Ars Administrandi*. 2011. No. 1. P. 43–56. (In Russ.).
8. Shtiglits A. N. Issledovaniye o voyennoy kontrabande [Research on military contraband]. St. Petersburg, 1880. 215 p. (In Russ.).
9. Alekseyev A. S. Russkoye gosudarstvennoye pravo [Russian state law]. Moscow, 1892. 473 p. (In Russ.).
10. Romanovich-Slavatinskiy A. V. Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ego istoriko-dogmaticheskom razvitii, sravnitel'no s gosudarstvennym pravom Zapadnoy Evropy [The system of Russian state law in its historical and dogmatic development, in comparison with the state law of Western Europe]. St. Petersburg, 1886. Part. 1. 299 p. (In Russ.).
11. Ivanovskiy V. V. Russkoye gosudarstvennoye pravo [Russian state law]. Kazan, 1896. 533 p. (In Russ.).
12. Gradovskiy A. D. Sobraniye sochineniy. V 9 t. T. 7. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. Ch. 1. O gosudarstvennom ustroystve [Collected Works. In 9 vols. Vol. 7. The beginnings of Russian state law. Part 1. On the state structure]. St. Petersburg, 1901. 433 p. (In Russ.).
13. Plyashchenko T. E. A. D. Gradovskiy kak uchenyy i obshchestvennyy deyatel' [A. D. Gradovsky as a scientist and a public figure] // *Rossiyskiye universitety v XVIII – XX vv.* [Russian universities in the XVIII – XX centuries]. Voronezh, 2002. Issue 6. P. 93–110. ISBN 5-7455-1236-9. (In Russ.).
14. Andreyevskiy I. E. Russkoye gosudarstvennoye pravo [Russian state law]. St. Petersburg, 1866. Vol. 1. 496 p. (In Russ.).
15. Alekseyev A. S. K ucheniyu o yuridicheskoy prirode gosudarstva i gosudarstvennoy vlasti [To the doctrine of the legal nature of the state and state power]. Moscow, 1895. 35 p. (In Russ.).
16. Kuplevskiy N. O. Russkoye gosudarstvennoye pravo [Russian state law]. 2nd ed. Kharkov, 1902. Vol. 1. 354 p. (In Russ.).
17. Korkunov N. M. Russkoye gosudarstvennoye pravo [Russian state law]. In 2 vols. St. Petersburg, 1893. Vol. 1. 415 p. (In Russ.).
18. Martens F. F. Leksii po gosudarstvennomu pravu F. F. Martensa, ordinarnogo professora Imperatorskogo Uchilishcha pravovedeniya [Lectures on state law by F. F. Martens, ordinary professor of the Imperial School of Law]. St. Petersburg, 1892. 280 p. (In Russ.).

ADONEVA Inessa Gennadievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Political Science Department, Novosibirsk State Technical University.

SPIN-code: 5645-9488,

AuthorID (RSCI): 617120

ORCID: 0000-0003-1485-9919

Address for correspondence: adoinessa@yandex.ru

DRUZHININA Yuliya Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of National and World History Department, Novosibirsk State Pedagogical University.

SPIN-code: 3439-1680

AuthorID (RSCI): 705604

ORCID: 0000-0003-2131-4466

ResearcherID: ABA-4125-2020

Address for correspondence: druzok5111@yandex.ru

For citations

Adoneva I. G., Druzhinina Yu. V. Power of emperor in Russian legal discourse of second half of 19th – early 20th centuries: justification and options for interpretation // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, no. 1. P. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-9-15.

Received October 12, 2020.

© I. G. Adoneva, Yu. V. Druzhinina